

Ларк чувствовал себя необычно. Кожу покалывало. Шкура чесалась. Он был постоянно голоден. С того момента, как он подвергся воздействию пыли искривляющего камня во время бури, странная болезнь поразила его. Он воровал всё больше и больше из гномьих запасов и сжирал всё это в величайшем приступе обжорства, когда попросту не мог остановиться до тех пор, пока вся еда не заканчивалась. Он был крайне благодарен тому, кто через какое-то время снова открыл люк в корабль, прежде чем Ларк начал обглаживать собственный хвост.

Результаты этого обжорства уже начали проявляться. Его мышцы вздулись, хвост утолщился, и он сам начал крупнеть. Его голова часто болела, и стало сложно думать последовательно. Ларк молился Рогатой Крысе, что не подцепил какую-нибудь разновидность чумы. Он вспоминал свои опасения в Нульне о том, как бы не заболеть, и что из-за чумы он едва не погиб. И если чума теперь возвратилась, при нём не было лечебных трав Вилеброта Нуля, чтобы сохранить ему жизнь.

Медленно Ларк поднимался по лестнице в „воронье гнездо“, чтобы провести ежедневный сеанс связи с этим мерзавцем Танкуолем. Ему доставлял чрезвычайную боль этот ворчливый голос в голове, бормочущий дурацкие приказы и говорящий ему о том, что надлежит сделать. Частью рассудка он понимал, что не следует думать об этом подобным образом — это неразумно, равно как и небезопасно. Его тело болело во всех местах. Зрение становилось расплывчатым, а мех начал выпадать на тех участках, где появлялись огромные прыщи. Ларк решил не утруждать себя вопросом связи с серым провидцем. Он вернётся в свою нору и поспит. Хотя, сперва ему нужно перекусить. Скавен начал ощущать страстное желание отведать добрый кус пухлой гномьей плоти.

Феликс постучал в дверь каюты Борек. Металл зазвенел под костяшками его пальцев.

— Войдите, — произнёс гном.

Феликс открыл дверь и вошёл. Каюта Борек была больше его собственной. Вдоль стен выстроились полные книг шкафы с прозрачной передней стенкой. По центру к полу был прикреплён стол, на котором лежала древняя карта, удерживаемая на месте четырьмя необычно выглядящими пресс-папье из чёрного металла.

Заметив интерес Феликса, Борек произнёс:

— Магниты.

— Что?

— Эти пресс-папье — магниты. Они прилепляются к железу и стали. Это некий странный философский принцип, схожий с тем, который заставляет иглы компасов показывать направление на север. Давай, попробуй поднять один.

Феликс сделал, как было сказано, и почувствовал сопротивление, которого он не ожидал. Он выпустил кусок металла, а тот, как показалось, выпрыгнул из его руки и со щелчком прилепился к столу. «Как это типично для гномьей скрупулёзности, — подумал Феликс, — они умудрились найти способ удерживать карты на местах даже на таком нестабильном основании, как этот воздушный корабль». Он упомянул об этом.

— Эта сила была известна долгое время. Ей пользовались наши навигаторы на парокорах Барак-Варра.

Борек улыбнулся:

— Но, полагаю, ты тут не затем, чтобы обсуждать мелкие детали обстановки кают судна...

Феликс согласился, что не за этим, и начал рассказ, поведав Бореку о том, что случилось с чародеем, и его упоминание о демоне. Встреча с Мюллером заставила его призадуматься. Впервые он стал серьёзно воспринимать ужасающую вероятность того, что подобное создание может находиться в Караг-Думе. Старый гном слушал, кивая время от времени. Когда Феликс закончил, какое-то время стояла тишина, пока Борек набивал свою трубку.

— Как такое возможно? — спросил Феликс. — Как демон может находиться там, а не снаружи, в Пустошах?

Борек долго и сурово смотрел на него.

— Они могут существовать и вне Пустошей. Судя по нашим записям, многие из них сражались против армий гномов.

— Тогда где они теперь?

— Исчезли. А куда, кто знает? Кто может по-настоящему объяснить принципы действия Хаоса?

— Но у тебя наверняка есть теория?

— Существует множество теорий, господин Ягер. Насколько нам известно, грубая магическая энергия сквозь Пустоши течёт наиболее сильно. Весьма похоже, что демоны питаются этой энергией и нуждаются в ней для поддержания своего существования. Вне Пустошей они могут появляться на очень короткое время, прежде чем исчезнут, так как магия там слабее. Здесь, в Царстве Хаоса, они могут оставаться на куда более долгий период, потому как тут энергии для них имеется больше.

— А почему так?

— Шрейбер верит в то, что в самом центре Пустошей имеется какое-то возмущение, являющееся источником всей магии. По его словам, оно также каким-то способом искривляет время и расстояние. Многие учёные, как тебе известно, заявляют, что в разных частях Пустошей время течёт по-разному. И чем дальше углубляешься в Пустоши, тем более заметным становится это воздействие.

— Почему же тогда демоны до сих пор на нас не набросились?

— Возможно потому, что мы продвинулись недостаточно далеко. Я сомневаюсь, что демоны способны длительное время существовать настолько близко к краю Пустошей, но в действительности я не знаю, в этом ли причина. Мне неизвестно многое, что относится к этой области.

— Но ты полагаешь, что демон по-прежнему обитает в Караг-Думе?

Борек мрачно засмеялся.

— Это более чем возможно. Даже перед моим уходом возникли ужасные слухи, что было призвано какое-то жуткое создание, а король Тангрим Огнебородый и его мастера рун отправились ему навстречу. Может быть, там оно попало в ловушку или не может уйти. Я не знаю. Мы с братом покинули город перед финальным сражением.

— Это совсем не радостная мысль.

— Нет, но вскоре мы узнаем ответ. Мы должны достичь Караг-Дума на следующий день или около того.

— Что потом?

— Там будет видно.

— Скорее! Быстро-быстро! — верещал серый провидец Танкуоль. Его утомляло и беспокоило постоянное нахождение взаперти внутри паланкина. Подобному состоянию сопротивлялись все его инстинкты скавена, хотелось подняться и пуститься наутёк, но у него реально не было выбора. Последние несколько дней он ничем не занимался, кроме как пользовался заклинаниями для переговоров и на перекладных передвигался по путям-дорогам Подземной Империи, питаясь на ходу и останавливаясь лишь на то время, что требовалось для смены носильщиков и паланкинов. От длительного сидения у него на заднице натёрлись волдыри, и появилось ощущение, что спина навсегда останется скрюченной.

Его носильщики жалобно выражали недовольство, и Танкуоль собирался было разорвать на части одного-двух, чтобы преподать им урок, но понимал, что эффект будет отрицательным. Добьётся он лишь того, что замедлит сам себя, пока они не достигнут следующего пересадочного пункта, где он сможет сменить рабов. Однако серый провидец пообещал себе, что эти хныкающие прислужники будут страдать, когда они там окажутся!

Так и будет, если Танкуоль сможет найти в себе силы. Серый провидец чувствовал себя опустошённым от напряжения, вынужденный затрачивать так много энергии на разговоры с Ларком на столь далёком расстоянии. А теперь этот шут даже не отвечает на его вызовы. Как это разочаровывает! У него нет идей, что могло произойти. Ларк мёртв? Воздушный корабль разбился в какой-то ужасной катастрофе? Вся эта длительная погоня напрасна? Несомненно, быть того не может, но с тех пор, как увидел проклятущего Ягера, Танкуоль ощущал недобрые предчувствия. Чего бы ни касались человек и его негодный спутник-гном, Танкуоль всегда готовился к худшему. Похоже, эти двое рождены для того, чтобы мешать ему.

Танкуоль проклинал инженеров клана Скрайр. Почему бы им не приложить свою чёртову изобретательность к созданию каких-нибудь усовершенствованных способов перемещения по туннелям Подземной Империи? Несомненно, они бы придумали что-нибудь более эффективное, чем просто смены носилок, перетаскиваемых рабами! Не они ли постоянно проводят время в работе над более большим и эффективным вооружением? Почему бы не поработать над колесницами с двигателями на искривляющем камне или самоходными тягачами? Или над какой-нибудь версией гибельного колеса для дальних поездок? Должно быть, сделать подобные механизмы им вполне по силам. Если не забудет, то в следующем докладе Совету Тринадцати Танкуоль упомянет о своих идеях.

— Скорее! Быстро! Вперёд-вперёд! — подгонял он охрипшим голосом.

Танкуоль понимал, что ему необходимо поскорее попасть в северные земли и выяснить, что произошло с чудесным воздушным кораблём. Если только удастся наложить на него лапы, у него никогда больше не возникнет проблем с быстрым перемещением.

Он пообещал, что как только там окажется, кому-то обязательно придётся заплатить за перенесённые им неудобства.

Феликс лежал на койке в своей каюте, уставившись в металлический потолок. У него

кружилась голова от всех тех вещей, что на сегодняшний день он узнал о Владениях Хаоса. Мир куда как более сложен, чем он когда-либо предполагал, и становилось всё более очевидным, что его народу многому нужно учиться у Старших Рас.

Феликс закрыл глаза, но сон не шёл. Он чувствовал усталость, но заодно и беспокойство. Плечо по-прежнему отзывалось болью, несмотря на целебные мази, использованные Варекком. Он понимал, что на какое-то время ушиб сохранит повышенную чувствительность. Однако один из подмастеров Макайссона починил его кольчугу, и та выглядела лучше, чем новая.

Проклиная судьбу, Феликс поднялся с кровати и натянул свои сапоги. Покинув каюту, он направился к кормовой наблюдательной орудийной башне корабля. Самый дальний пузыреподобный выступ башни был небольшим, там была установлена органная пушка на вращающейся платформе. Феликс плюхнулся на сидение и поработал ножными педалями, повернув её сперва налево, затем направо. Он нашёл движение странно расслабляющим, напоминающим раскачивание в гамаке или в кресле-качалке его дедушки. Он потянулся вверх и взялся за рукояти органной пушки. Это была ещё одна из необычных моделей Макайссона. Она имела рукояти, как у пистолета, а выстрел производился нажатием спускового крючка. Сам механизм пушки вращался на шарнире, и мог быть повёрнут вверх, вниз, налево, направо почти без усилий. Феликс не знал, от кого гномы ожидают нападения, летая на такой высоте, но они явно всё предусмотрели.

Он всмотрелся в местность, над которой они пролетали. Небо было тёмным, что походило на ночь. По меньшей мере, облака над ними были темнее, и не было никаких признаков солнца. Феликс подивился этому. Они достигли местности, где, как казалось, независимо от того, насколько высоко они поднимутся, небо всегда затянуто. Он решил, что это либо проявление какой-то мощной магии, либо попросту где-то вдали огромные массы пыли искривляющего камня были подняты в воздух направленными вверх мощными ветрами. Единственное освещение поступало снизу, из огромных огненных ям, расположенных на грубом ландшафте — кратеров вулканов, напоминающих пузырящиеся пасти, подле которых резвились искривлённые фигуры.

Когда воздушный корабль проходил над огненными ямами, его немного потряхивало восходящим потоком горячего воздуха. Теперь Феликса это не пугало так, как ранее. Он даже стал находить лёгкую турбулентность успокаивающей. Это было необычно. Чем больше он летал, тем чаще находил небо родственным морю. Ветры были течениями, облака временами напоминали волны.

Феликс прикидывал, есть ли в море течения на разных уровнях, такие, как возникающие на разных высотах ветры, движущиеся с разной скоростью. «Философу тут есть о чём поразмыслить», — зевая, подумал он и мягко провалился в сон.

Ларк медленно и незаметно тащился по коридорам корабля. Голод в желудке был подобен живой твари, царапающей и старающейся выбраться. Он причинял ему реальную физическую боль. Впереди себя он почувствовал добычу. У той был запах не гнома, но человека. Ларку было без разницы. Он просто хотел ощутить, как горячая красная кровь хлынет в его пасть, и набить брюхо кусками сырого тёплого мяса — а для этой цели человек подходил столь же хорошо, как и гном.

Он вошёл в комнату на корме и услышал храп фигуры перед ним. Хорошо! Его глупая жертва ни о чём не подозревает, дрыхнет как свинья, чего ни один скавен себе не может позволить даже при отсутствии очевидной опасности. Покрытая белой шерстью голова человека откинута назад, шея обнажена, словно приглашая клыки Ларка.

Ларк на цыпочках пошёл вперёд, наклоняясь к телу спящего. Его рот наполнился слюной в предвкушении свежего мяса. Всё, что следует сделать — одним укусом перегрызть артерию! Он сожмёт свои челюсти на горле человека, подавляя его крики. Ещё пара шагов и он выйдет на позицию для удара.

Внезапно Ларк услышал шаги на лестнице, ведущей с верхней палубы. Кто-то приближается! Он беззвучно выругался, понимая, что если нападёт сейчас, то будет обнаружен прежде, чем сожрёт свою жертву, и поднимется тревога. Какие-то проблески самосохранения, запрятанные глубоко в его мозгу, подсказывали, что это совсем не хорошо; поэтому он тихо и поспешно вернулся в коридор и двинулся туда, откуда пришёл.

Феликс внезапно проснулся от звука подозрительных шагов на лестнице. Он был рад проснуться, потому что у него был кошмар, в котором гигантская крысоподобная тварь всё ближе подкрадывалась к нему в тёмном туннеле, заполненном туманом. Вне всякого сомнения, этот плохой сон был вызван зверолодами, которых он видел сегодня. О Сигмар, они достаточно ужасны, чтобы вызывать кошмары, которых хватит на всю жизнь.

Поглядев вверх он увидел Варека, спускающегося на смотровую палубу. В одной руке у него была книга, в другой перо, и выглядел гном немного разочарованным тем, кто нашёл тут кого-то ещё, хотя желал оказаться в одиночестве.

— Добрый вечер, Феликс, — произнёс он, выдавив улыбку.

— А сейчас вечер?

— Кто его знает, — пожал плечами гном. — Нормальное время суток, как и любое другое в этом мерзком месте. Небеса темны, земли не видать, так что я полагаю, что вполне может быть вечер.

— В таком случае, и тебе доброго вечера, Варек, — сказал Феликс. — Что ты тут делаешь?

— Я пришёл сюда записать свои заметки. Это сложно делать, находясь в одной каюте с Готреком и Снорри.

Феликс внезапно порадовался, что его рост и тот факт, что он человек, дали ему право на собственную отдельную каюту. На всём воздушном корабле было всего лишь три отдельных каюты; и две оставшиеся занимали Борек и Макайссон.

— Могу себе представить. Чем они заняты?

— Готрек заявил, что в их последнем состязании по сшибанию головами Снорри победил его лишь формально. По этому поводу у обоих нашлись аргументы. Снорри хотел прямо там провести другое состязание, дабы закрыть вопрос, но от этого я их отговорил.

— Как? — Феликс не мог себе представить, чтобы этот учтивый молодой гном мог отговорить пару Истребителей Троллей от чего бы то ни было.

— Я им напомнил, что обычно у проигравшего занимает около трёх дней восстановление после поединка по сшибанию головами, и это притом, что ничего серьёзного не сломано. И если поединок состоится — один из них пропустит наше прибытие в Караг-Дум. Разумеется, предполагая, что прибудем мы вовремя. Похоже, уловка сработала. Когда я от них уходил, они вместо этого устроили состязание по распитию водки. Надеюсь, к тому моменту, как я вернусь, они оба отрубятся.

— Я бы на это не поставил, — сказал Феликс.

Варек печально улыбнулся:

— Как и я.

— Не обращай на меня внимания, — сказал Феликс. — Я просто подремлю.

Он снова откинулся на сидение.

— Пока ты не уснул, могу я попросить тебя повторить все детали сегодняшних событий? Я хочу удостовериться, что всё запомнил в точности.

— Конечно, — ответил Феликс и снова начал рассказывать историю, лишь с незначительными преувеличениями.

Феликс проснулся поздно, по-прежнему в кресле управления органной пушкой, и обнаружил, что один из инженеров моет палубу вокруг него. Зевая и потягиваясь, он поднялся и решил пойти перекусить. Встав, Феликс заметил небольшую вереницу верховых воинов прямо под ними, скачущих, несомненно, в том же направлении, что и летящий воздушный корабль.

— Они нас преследуют? — спросил он, уже понимая, что это дурацкий вопрос.

Пока он смотрел, всадники в чёрных доспехах остались далеко позади стремительно передвигающегося воздушного корабля.

— Нет, — ответил гном, — но что-то действительно происходит. Всё утро мы пролетаем над боевыми группами, передвигающимися в том же направлении. Словно они знают, куда мы направляемся, и двигаются наперехват.

— Быть того не может, — сказал Феликс, но глубоко в душе не был уверен.

В конечном итоге, кто знает, на что в действительности способны силы Хаоса.

* * *

— Ситуация ухудшается, — произнёс Варек, продолжая смотреть в телескоп через окно командной палубы. — Тут их сотни. Теперь, похоже, впереди нас их больше, чем позади.

Феликс вынужден был согласиться — это было ясно даже на невооружённый взгляд. Целый день они пролетали над группами звероловов, воинов Хаоса и прочих злобных тварей. Чем дальше они проходили, тем чаще те попадались на глаза. И все последователи Тьмы следовали в том направлении, в котором двигался воздушный корабль. Словно армия получила тайный сигнал и начала собираться.

— Всё это мне не нравится, — произнёс Феликс. — Неужели они действительно знают, куда мы направляемся? Они нас ожидали?

— Я не думаю, что такое вероятно, — немного раздражённо произнёс Борек. Он опустил в одно из подбитых кожей кресел и сидел там, задумчиво перебирая свою бороду пальцами заскорузлой руки.

— У них не было возможности получить предупреждение о нашем прибытии. На борту этого корабля нет предателей. Пока мы не выступили, никто не мог знать о наших планах; и даже

если бы знал, то, несомненно, не смог бы отправить весть быстрее, чем мы передвигаемся.

Создавалось впечатление, что старый гном пытается убедить сам себя. Феликсу было нетрудно обнаружить изъяны в каждом из его аргументов. Об их цели знал Шрейбер, также как Страгов и кто угодно из его людей. Волшебством можно передать сообщение даже быстрее, чем воздушный корабль в состоянии передвигаться. Что ещё проще, возможно, среди последователей Хаоса имеются прорицатели, способные предвидеть будущее. Иногда Феликс поражался, насколько просто и быстро ему удавалось находить дурные признаки в положении дел.

— Мы лишь предполагаем, что им есть до нас дело, — продолжил Борек. — Ни то, ни обратное не доказано. Возможно, у них есть собственные причины собираться вдоль этого маршрута.

— И какие это могут быть причины?

— Я не знаю, но полагаю, в чём бы ни была причина, довольно скоро мы её обнаружим.

Воздушный корабль продолжал полёт. Военные отряды становились крупнее, так как множество небольших групп хаосопоклонников собирались вместе, формируя крупные подразделения. В некоторых отрядах можно было заметить до дюжины знамён, развевающихся на ветру.

Среди существ внизу стали гораздо чаще встречаться нелепые создания. Феликс видел странных воинов, полумужчин-полуженщин с огромными крабьими клешнями. Они сидели верхом на скачущих прыжками двуногих существах с длинными высунутыми языками. Пока он сверху наблюдал через телескоп, этот отряд демонической кавалерии догнал рассредоточенную группу мутантов. Отвратительные скакуны всадников выбрасывали свои длинные липкие языки, хватали своих жертв и подтягивали тех к своим хозяевам, или хозяйкам, — точно таким способом ящерицы джунглей предположительно хватают мух.

Необычные, ярко окрашенные создания, чьи ужасно увеличенные лица, казалось бы, появлялись прямо из середины их туловища, резвились среди ярких песков пустыни. Они махали пролетающему воздушному кораблю, словно приветствуя давно потерянного родственника, затем хватались за бока, кружась в безумном демоническом веселье.

Один здоровенный всадник в чёрной броне переводил стаю искажённых собак через скалы. Его животные обладали огромными гребнями, как у рептилий, а их шкура отливала ярко красным металлическим оттенком. Временами Феликсу казалось, что он наблюдает картины, выхваченные из кошмара какого-то безумца, но, тем не менее, не мог воздержаться от просмотра.

Перед ними за пустыней поднималась цепь холмов. Когда они приблизились, Феликс увидел, что эти предгорья всего лишь предваряют куда более большую цепь возвышающихся вершин, столь же высоких, как и всё остальное в горах Края Мира. Эти холмы мерцали неестественными цветами. И Феликс впервые увидел в Пустошах нечто, напоминающее растительность.

Лес чудовищных склизких грибов произрастал на склонах холмов. Каждый из мощных грибов был столь же огромен, как высочайшее дерево, а их шляпки были достаточно огромными, чтобы накрыть небольшую деревню. Каждый немного отличался нездоровым оттенком: желчно жёлтым, костяным, едко зелёным, — и каждый поднимался к небесам, словно сражаясь со своими собратьями за каждый лучик света и каждый дюйм пространства. У некоторых грибов было много шляпок, каждая из которых ответвлялась от главного ствола. Мерзкая слизь

обволакивала плодовые тела грибов-деревьев и противно стекала на грунт под ними. Всё это наводило на мысли о чём-то неестественном и неприятном — о жизни, которой не место в любом нормальном мире.

Тут и там лежали упавшие или преднамеренно поваленные могучие грибы-деревья, а зверолоуды и мутанты карабкались через них, словно муравьи по гнилому бревну. Они пожирали загнивающую мякоть павших гигантов и пили их слизь. Наевшись, существа орали, дрались, принимали участие в оргиях и прочей непередаваемой деятельности, словно вещество мёртвых грибов содержало какой-то неизвестный опьяняющий наркотик.

Вырастающие перед восхищённым взглядом Феликса холмы очищались, лишаясь неестественной растительности. Взамен стало заметно больше развалин. Он разглядел небольшие форты, сооружённые только лишь из собранных валунов. Замки сложной конструкции, со стенами, покрытыми сталью и латунью. Дворцы, вырезанные в породе самих холмов. Подобному не находилось логического объяснения. Возле каждого строения лежали скелеты и непогребённые тела, либо стояли виселицы с раскачивающимися на них мёртвыми зверолоудами. Со склонов холмов поднимался запах гари и смерти. Очевидно, эта местность повидала множество сражений, но теперь была заброшена, и стоило им пролететь дальше, причина стала ясна.

Через холмы воины передвигались кучно, подобно бурным ручьям перемещаясь вниз, на тропы, что проходили сквозь долины, соединяясь сдвигающимся по пыльным дорогам потоком хаосопоклонников. Те ехали верхом, хромали, маршировали, ползли, прыгали, неприлично размахивали крыльями — но все они двигались, и, похоже, у всех на уме было лишь одно место назначения. Теперь не вызывало сомнений, что все эти хаосопоклонники направляются в ту сторону, что и сами путешественники — к далёким горам.

Проходили часы. Воздушный корабль пролетал над плоской равниной в тени холмов, а под ним по-прежнему протекал бесконечный поток. В центре равнины Феликс увидел четыре громадных валуна, которым придали форму чудовищной пародии на человеческий облик. Сперва он решил, что это игра света — мираж, порождённый необычными очертаниями скал и его собственными усталыми глазами, но после обнаружил, что это не так. Каждому из огромных камней была действительно придана форма одного из Тёмных Богов Хаоса, по его предположению.

Когда они приблизились, у Феликса начали возникать некоторые идеи о реальных размерах этих грандиозных статуй. Каждая была выше причальной мачты у Одинокой Башни. Он слышал, что некоторые из вершин на эльфийских островах Ультуана вырезаны в виде огромных статуй, но весьма вероятно, что даже они покажутся маленькими перед этим монументами. Некая потрясающая магия была применена для трансформации костей самой земли в эти насмешливые изваяния; и в миг изумления и ужаса Феликс пришёл к некоему осознанию реальной мощи Сил Хаоса.

Одна из статуй изображала огромное, непропорционально широкое существо, чьи бока бугрились нарывами и язвами. Его злобный облик наводил на мысль о миллионах лет чумы и смерти. Где-то на уровне подсознания голос прошептал Феликсу имя — Нургл, демонический Бог Чумы.

Другая статуя имела вид какого-то птицеголового, с огромными крыльями, обёрнутыми вокруг тела. Жуткий и неестественный свет переливался вокруг головы короной мистической энергии, подавшей мысль, что это Тзинч — Изменяющий Пути, Архитектор Судеб.

Третья статуя была вырезана в образе существа, не совсем мужчины и не совсем женщины, принявшего одновременно похотливую и насмешливую позу. Огромные пещеры представлялись пустыми глазницами. Феликс вздрогнул, каким-то образом он понял, что это изображение одной из многих сущностей Слаанеша, Повелителя Непередаваемых Удовольствий. В прошлом Феликс много раз сталкивался с последователями этого Бога-Демона.

Последняя статуя имела облик массивного воина, с крыльями, как у летучей мыши, вооружённого мечом и хлыстом; лицо которого закрыто шлемом, скрывающим все черты. Что-то в позе подсказывало, что хоть создание неуклюже и обезьяноподобно, оно обладает невероятной физической силой. Должно быть, это Кхорн — Бог Крови, Владыка Трона Черепов. Феликс вздрогнул. Имя Кхорна внушало ужас ещё на заре времён.

У ног этих титанических статуй некоторые хаосопоклонники простирались ниц и оставляли приношения, но большинство просто салютовало и двигалось дальше. Феликс отказался от всяческих попыток сосчитать последователей Хаоса. Теперь они исчислялись тысячами. Феликс словно наблюдал армию муравьёв на марше, а мотивы орды выглядели столь же непостижимыми, как и угрожающими. Феликс мог лишь порадоваться тому, что хаосопоклонники передвигаются от земель людей вглубь Пустошей. Однако он сознавал, что достаточно всего одного приказа, чтобы развернуть эту великую армию кругом и отправить в южном направлении, если появится достаточно могущественный предводитель.

За исключением стука двигателей, на командной палубе позади Феликса стояла тишина, и Феликс понимал, что все находящиеся там гномы разделяют его мысли. Они все были охвачены ужасающим величием армии, собравшейся под ними.

Предгорья становились выше, и теперь перед воздушным кораблём вздымалась настоящая цепь горных вершин. Земля под ними выглядела вполне нормальной: с ручьями, деревьями и тем, что могло быть козлами, скачущими по гребням гор. Возможно ли, что некоторые части Пустошей остались не затронуты искажающим влиянием Хаоса? Какая-то противовесная сила всё ещё борется с его воздействием? Или это какая-то уловка Тёмных Сил — безобидный покров, растянутый над тайной сущностью, более мрачной и ужасной, чем всё то, что они до сих пор наблюдали?

Макайссон выпустил дыхание длинным медленным свистом, когда потянул рычаги и повернул штурвал, направляя корабль парить через длинную долину, которую ограничивали нависающие чёрные горы. Приборами управления он постоянно вносил небольшие регулировки, борясь с боковыми ветрами и турбулентностью, пока прокладывал путь через извилистую долину.

Воздушный корабль развернулся почти на девяносто градусов вправо, и перед ними лежала протяжённая долина, кишашая последователями Хаоса. Струйки дыма поднимались от походных костров, образуя тёмное облако, которое угрожало закрыть им обзор. Десятки тысяч звероловов с удивлением глазели на них. Тысячи воинов Хаоса выстроились внутри сумасшедшего лабиринта земляных укреплений. Воздушный корабль непрерывно гудел, двигаясь по долине в направлении сгущающейся тьмы, что заполняла её дальний конец.

Над толпой возвышались огромные колесницы, влекомые ужасными зверьми-мутантами, более крупными, чем слоны. Тут и там какие-то из колесниц развалились, какие-то расплавились, а какие-то были попросту разбиты некой внушительной силой. Огромные кресты Т-образной формы были установлены среди рядов палаток и срубов, и на каждом находилась распятая фигура. Некоторые были тут недавно, остальных птицы-падальщики ободрали до костей.

Впереди по курсу выростала необычайно огромная гора. Её внушительная масса закрывала конец долины. Склоны горы были покрыты рядами разломанных укреплений. Поверхность земли у предгорий была усеяна белыми костями. Укрепления поднимались до цитадели на самой верхушке горы; и было ясно, что там идёт бой, причём не так давно, так как дым всё ещё поднимался от горящих строений, и воины в чёрной броне двигались среди трупов недавно погибших.

Напряжённая тишина повисла над командной палубой „Духа Грунгни“. Кажется, все гномы задержали дыхание от ужаса и изумления. В конце концов, Борек заговорил и его голос раздался резким хрипом.

— Узрите вершину Караг-Дума, — произнёс он.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47315>